

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА СААМСКИЙ ЭТНОС*

В контексте социально-политических событий конца ХХ – начала ХХI вв. на первый план выдвигаются проблемы диалога культур. В этих условиях актуальное значение приобретает изучение вопросов межэтнических связей и этнокультурных контактов. Накопленный в России значительный исторический опыт мирного сосуществования народов с разными уровнями развития, культуры, уклада жизни не может не привлечь внимания в условиях острых межнациональных противоречий в ряде регионов нашей страны. Одним из примеров такого позитивного опыта является процесс складывания и взаимодействия саамской и поморской историко-культурных общностей на Кольском Севере.

Первые контакты между саамами и русскими устанавливаются, очевидно, с XIII в., когда Кольский полуостров вошел в состав владений Новгородского государства¹. Эти связи между ними упрочились с XV в., с появлением в регионе постоянных русских поселений (Умба, Варзуга). Сближению саамов и поморов способствовали не только борьба с совместной угрозой, исходящей от общих врагов – варягов, но и взаимовыгодные торговля и обмен.

Последствия русской колонизации Кольского полуострова неоднозначно сказались на коренных обитателях региона. Отметим как положительные, так и отрицательные сдвиги в развитии саамского общества. К первым можно отнести: совершенствование орудий труда, заимствование у поморов передового производственного опыта, что, в конечном счете, привело к трансформации общественного строя саамов (переход от родовой общины к соседской). Так, например, в XVII в. саамы стали переходить к продуктивному оленеводству, ярусному способу лова рыбы в открытом море, использованию ружей на охоте. Спустя столетие начинают по примеру русских строить бревенчатые домики (тупы), разводить овец и пр. Заметным было влияние на культуру и быт саамского общества, что стало возможным после крещения лопарей в XVI в. Среди саамов стало распространяться знание русского языка. Постоянное общение с русскими вело к переосмыслинию прежних представлений об окружающем мире. Языческие воззрения постепенно слабели. В жизнь саамов все шире входили христианская обрядность и идеология. Приезжая в поморские селения по делам и на большие праздники, саамы обыкновенно посещали церковь,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области (проект № 10-01-43102 а/С).

¹ Ушаков И.Ф. Кольская земля // Он же. Избранные произведения. – Т. 1. – Мурманск, 1997. – С. 34.

присутствовали на богослужениях, несли пожертвования священнику. Саамы пользовались услугами русского духовенства при вступлении в брак (обряд венчания происходил в церкви), при крещении детей и т.п.

В результате христианизации у саамов происходят изменения и в этническом самосознании. Начинается процесс обособления «русских» саамов от скандинавских. Русские проповедники толковали саамам о том, что общение с их иноверными («немецкими») родичами – тяжкий грех. Это убеждение было распространено среди крещенных саамов еще в середине XIX в.: антрополог А.И. Кельсиев сообщал, что если русский лопарь побывает в доме лопаря-протестанта, он едет каяться в этом грехе к священнику¹. В сознании саама понятия «христианство» и «русский», по-видимому, отождествлялись: в XIX в. бывали случаи, когда крещенный саам считал себя русским и в доказательство показывал крест².

Между единоверными жителями Лапландии – поморами и лопарями – стали заключаться браки, возник обычай крестования – вид побратимства, прочно вошедший в жизнь двух народов. Известный писатель-этнограф С.В. Максимов, удостоенный золотой медали географического общества за книгу «Год на Севере», изданную в 1859 г. в 2 томах, писал: «Миролюбивым характером дышат все отношения лопарей к русским... Патриархально-гостеприимный в своей веже, лопарь в сношениях своих с русскими любит заводить тесную дружбу, род братства, одним словом, любит блести вековой обычай крестования. Угодит в чем-нибудь, понравится чем-нибудь, угостит хорошо или даст выгодную плату за промысел давний лопарский знакомец-помор – лопарь не замедлит предложить ему покреститься, т.е. обменяться крестами, сделаться крестными братьями. Лопарь по свершении обряда обмена крестов дарит «крестовому» все, что есть у него лучшего: лучший олений мех, лучшую звериную шкуру – бобровую или черно-бурой лисицы. Крестовый русский должен, в свою очередь, отдать, чем может, своего крестового брата-лопаря»³.

Процесс «обрусения» отдельных групп саамов отмечали исследователи и в XIX в. А.И. Кельсиев и другие приписывали исчезновение чисто «лопарского типа» (в антропологической смысле) частым случаям нарушений супружеской верности в саамской семье⁴. Н.Н. Харузин уточнял, что подобные факты обыкновенно имели место в среде саамов приморских погостов, которые, по мнению ряда ученых, «лицом, ростом и телосложением почти не отличались от русских поморов»⁵, что объяснялось интимными отношениями поморов и лопарок во время морских промыслов.

¹ Харузин Н.Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. – М., 1890. – С. 59.

² Бернштам Т.А. Поморы. – Л., 1978. – С. 64.

³ Максимов С.В. Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1987. – С. 221.

⁴ Бернштам Т.А. Указ. соч. – С. 64.

⁵ Харузин Н.Н. Указ. соч. – С. 68.

В результате постоянных и временных брачных (нецерковных) связей между русскими и саамами уже к концу XIX в. сформировалось поколение, о котором говорил Н.Н. Харузин: «Неоднократно приходилось встречать лопарей и лопарок, из молодых, менее всего, если можно так выразиться, похожих на лопарей; подчас, посмотрев на такого лопаря, убежден, что он помор, и лишь при разговоре обнаруживается, что он лопарь»¹.

Интересно отметить, что сами саамские девушки предпочтения отдавали русским женихам, а не соплеменникам. Мотивы симпатии, по утверждению жителей, крылись не столько в чисто внешних качествах «не лопарей», сколько в преимуществах оседлой жизни². При этом, родственные связи саамов и русских не являлись редкостью. Если саам женился на русской, то он, как правило, оставался жить в селе. Имели место случаи женитьбы бедных поморов на лопарках, которые считались неплохими хозяйками. По свидетельству С.В. Максимова, «промышленники русские все единогласно хвалят... лопарских женщин, их трудолюбие и домовитость, которые немало способствуют тому, что и дети воспитываются в некоторой патриархальной чистоте нравов: мальчик лопарь до совершеннолетия живет большую частью дома и не отпускается на трудные мурманские промыслы. Сама же лопарка всегда дома»³.

Были примеры и осознанного отказа от кочевого образа жизни. В 1871 г. понойские лопари подали заявление о перечислении их в оседлых жителей, взяв на себя обязательства в данном селении строить «...не лопарские вежи, а наравне с крестьянами по силе и средствам дома и прочие строения...»⁴. В.В. Чарнолусский отмечал, что все жители с. Поной считают себя русскими, хотя население соседних поморских сел говорит о них: «понояне – те же лопари»⁵.

В то же время можно отметить и негативные, хотя и неизбежные, последствия русской колонизации Кольского Севера. Во-первых, усиление феодальной эксплуатации коренного населения края со стороны государства и Церкви. К 1684 г. 38% саамов являлись вотчинными крестьянами Печенгского, Воскресенского и Крестного монастырей⁶. Остальные саамы несли государевы повинности (платили налоги, привлекались к строительству и ремонту военных укреплений в Коле и т.д.) как черносошные крестьяне. Правительство не делало различия между ними и русскими крестьянами. И те и другие, как податные сословия, в равной мере несли бремя феодальных повинностей – «тягло». Во-вторых, саамы интересовали московское правительство не только как налогоплательщики, они еще вели

¹ Харузин Н.Н. Указ. соч. – С. 68.

² Чарнолусский В.В. Материалы по быту лопарей. – Л., 1930. – С. 40.

³ Максимов С.В. Указ. соч. – С. 223.

⁴ Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 40.

⁵ Там же. – С. 39.

⁶ Ушаков И.Ф. Кольская земля. – С. 119.

военную разведку на рубежах. На них так же возлагалась ямская гоньба (провод казенных грузов и служилых людей), или обеспечение регулярной связи между Колой и Поморьем¹. Процесс «обрусения» саамов приводил к утрате ими черт этнической самоидентичности. В. Чарнолусский отмечал, что «молодое лопарское поколение говорит по-русски, а есть дети и совсем не знающие лопарского языка»².

В то же время общение с русским населением в целом имело положительное значение. Саамам были обеспечены более благоприятные, чем раньше, условия для ведения хозяйства и торговли. Торговля с русскими позволила саамам перейти к применению более совершенных орудий труда, благодаря чему значительно увеличилось количество производимых продуктов. Живя по соседству с поморами, саамы стали понемногу перенимать их производственные навыки и достижения (изготовление сетей, промысловых лодок, устройство заборов на реках и многое другое). Повидимому, уже в это время саамы стали приручать и одомашнивать оленей, использовать их для езды и перевозки грузов. В результате общения с русским населением у саамов складываются новые общественные и религиозные представления, меняются понятия о божественных силах, собственности, власти. Весь ход исторического развития саамской народности показывает благотворное воздействие русской материальной и духовной культуры на жизнь саамов.

¹ Ушаков И.Ф. Побратимы // Полярная правда. – 30 декабря. – 1982. – С. 4.

² Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 40.